

- [54] *Mikloš L.* Landscape as a geosystem // *Ecology* (Bratislava). 1998. Vol. 17. Supplement 1. P. 52—74.
- [55] *Musio M., von Wilpert K., Augustin N. H.* Crown condition as a function of soil, site and tree characteristics // *Eur. J. Forest Res.* 2007. Vol. 126. P. 91—100.
- [56] *Openshaw S.* A geographical solution to scale and aggregation problem in region building, partitioning and spatial modeling // *Institute of British Geographers, Transactions, New Series.* 1977. Vol. 2. P. 459—472.
- [57] *Ostendorf B., Reynolds J. F.* A model of arctic tundra vegetation derived from topographic gradients // *Landscape Ecology.* 1998. Vol. 13. P. 187—201.
- [58] *Troll C.* Die geographische Landschaft und ihre Erforschung // *Studium Generale.* 1950. Vol. 3(4/5). P. 163—181.

Москва
 akhorosh@orc.ru
 Московский государственный университет
 имени М. В. Ломоносова

Поступило в редакцию
 29 апреля 2014 г.

Изв. РГО. 2014. Т. 146. Вып. 4

© К. Э. АКСЕНОВ

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ СВОЙСТВА ПРОСТРАНСТВА— ВРЕМЕНИ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Несмотря на пришедшее в науку сначала из философии, а затем и из физики представление о единстве пространства—времени, в мире по-прежнему отдельно существуют география и история. За столетия сосуществования единый методологический и понятийный словарь у них не появился, и дело здесь, видимо, не только в том, что и географы, и историки не смогли договориться между собой. Имеется некое содержательное противоречие. С одной стороны, мы вполне принимаем классическую материалистическую точку зрения о том, что пространство и время есть неотъемлемые атрибуты материи. С другой — у времени и пространства есть принципиально разные качества, способные и материи придавать разные свойства. Дж. Урри называет пространственно-временные отношения асимметричными, отмечая, в частности, что, хотя два объекта могут занимать одну и ту же точку во времени (в разных местах), при этом они не могут занимать одну и ту же точку в пространстве [19]. Многие исследователи, также считая эти атрибуты разноразмерными, отмечают необратимость и универсальную для всех явлений однонаправленность времени как ключевое отличие свойств времени и пространства [16, 12]. Дж. Урри считает, что хотя пространственное измерение обязательно включает и временные измерения, последние не обязательно включают пространственные. Поэтому необходимо делать различие скорее между «временным» и «пространственно-временным», чем между временным и пространственным [19]. Нас же, географов, интересующихся развитием общества, также занимает проблема познаваемости и управляемости —

в этой области существуют более значительные сложности с методиками по отношению к времени, нежели пространству. И уж во всяком случае методики эти не совпадают, что и позволяет нам вслед за А. Трейвишем утверждать, что единой «геоистории» нет [12, с. 17]. Тем не менее и в истории, и в географии, и в обществоведении широко практикуется пространственно-временной подход, позволяющий часто находить и изучать процессы и явления, неопределимые только с использованием хронологических или хронологических методов.¹ Пространственно-временной подход, таким образом, позволяет не только разнообразить палитру используемых методов, но и включить в научный анализ принципиально новые предметы. Предмет нашего исследования — трансформации общественно-географического пространства — относится как раз к типу, поддающемуся выявлению только с использованием пространственно-временного подхода. Не претендуя здесь на разрешение общих философских проблем науки применительно к данному предмету, мы относимся к пространственно-временной атрибутике как к основе для выработки в перспективе совершенно определенной служебной методологии, основанной на понятии пространственно-временных систем для изучения трансформации общественно-географического пространства. Для этого нам необходимо определить основные понятия и свойства пространства и времени, которые являются атрибутами интересующих нас систем. Ниже мы постараемся доказать, что не только общественная сущность трансформации, но, главное, пространство и время сами имеют системообразующее значение для исследуемого нами предмета.

Процессы взаимодействия общества и пространства—времени представляют собой нечто большее, нежели отношения по типу «явление—среда» и даже «явление—признаки». Мы исходим из того, что взаимодействие пространственных (временных) и общественных явлений и процессов порождает самостоятельный предметно-научный и общественный феномен, требующий оценки и изучения как особая системная целостность. При этом наличие особой системной целостности требует выработки особых методов и подходов к ее изучению, не сводимых к традиционным методам социологии, географии или истории.

Трансформация общественно-географического пространства — это временной процесс, в результате которого сущности общественно-географических явлений не просто видоизменяются, а заменяются на принципиально новые (подробнее см. [5]). Следовательно, изучая трансформацию в пространстве мы должны найти и описать элементы, меняющие свою сущность. Как зафиксировать состояния элементов пространства, чтобы определить состояние их сущности? Что именно считать элементами пространства? Что представляют собой пространственно-временные системы?

Первичный элемент общественно-географического («служебного» или сущностного) пространства, в котором начинают проявляться общественно-географические различия, мы будем называть *общественно-географическим местом* (о «служебных» общественно-географических местах более подробно см. [2]). Место определяет в каждый момент времени не только особенности проявления экономических, социальных, политических и прочих факторов, действующих в обществе, но и формирует особую модель их сочетания, обуславливающую степень и результаты их влияния на сущность ис-

¹ Недавнее обсуждение этой тематики см., например, в [13].

следуемого явления. Место — квант любого «служебного» пространства, существующий в конкретный момент (период) времени. Общественно-географическое место всегда связано с конкретным общественным явлением (проявлением определенной общественной сущности).¹ У иной общественной сущности место, как ее первичное пространственное проявление, в данной физической точке будет другим. В качестве примера, на котором можно наиболее наглядно продемонстрировать проявление обсуждаемых явлений и процессов, возьмем отрасль хозяйства, которая наиболее динамична (быстрее прочих способна менять сущность под внешним воздействием) и очевидна (ее проявления фиксируются на бытовом уровне), — мелкую торговлю и услуги (подробнее см. [1]). Так, первичным сущностным материальным проявлением общественного явления «мелкая разносная торговля» может считаться, скажем, торговец пирожками, вышедший торговать ими к автотрассе. Особенности конкретной точки в пространстве, в которой производится торговля, могут повлиять на ее экономическую успешность и личную «выживаемость» ее субъекта. Набор соответствующих характеристик этой точки связан с особенностями данной отрасли экономики: в частности, важны характеристики потока индивидов, способных стать покупателями, т. е. способных и желающих заплатить 20—30 руб. за этот вид товара, способных и желающих физически подойти и вступить в контакт с продавцом и т. п. Вполне возможно, что именно в данной точке названные параметры социально-экономического пространства не позволят существовать этому виду бизнеса: удобного места для остановки транспорта не окажется, и это будет критическим фактором выживания субъектов отрасли «мелкой разносной торговли». Однако если в этой же самой точке физического пространства появится субъект другой отрасли, например «наружной рекламы», то описанные выше параметры социально-экономического пространства, характерные для данной точки, будут не существенны. В месте, где невозможна остановка, а следовательно, мелкая торговля, вполне может появиться успешный билл-борд с рекламой новой модели автомобиля. Для данной отрасли не нужны остановка и физический контакт с потенциальным потребителем, способным заплатить 20—30 руб. Зато критическим для того, чтобы рекламодатель захотел купить это рекламное место, будет характеристика транзитного потока и визуального (не физического!) контакта с потенциальным потребителем, способным заплатить 20—30 тыс. дол. за новый автомобиль. Получается, что общественно-географические характеристики одной и той же физической точки пространства могут по-разному повлиять на зарождение здесь новой экономической сущности (явления), в зависимости от того, что это за сущность.

Заметим, что в другой момент времени параметры значимых характеристик пространства могут стать другими, и свойства того же общественно-географического места для исследуемой сущности драматически изменятся. Сущность исчезнет, произойдет *трансформация места*.² Так, временное событие — капитальный ремонт данной трассы, происходящий в десятках километров от данной точки, может отвести отсюда транспортный поток на продолжительный период, и обе исследуемые отрасли не смогут развиваться в

¹ А. А. Минц и В. С. Преображенский называли это «функцией места» [8, с. 124].

² У А. А. Минца и В. С. Преображенского — это смена функции места, которая происходит либо в результате изменения самого явления, составляющего место, либо внешних воздействий на данную точку пространства [8].

данном месте. По истечении времени ремонта оба бизнеса снова могут здесь развиваться, возможно с новыми параметрами, например, если в результате ремонта изменится характеристика транспортного потока.

Комплекс экономических, социальных, политических, коммуникативных и других условий, отличающих данное место от остальных, а также его «внешнее» положение (соседство, протяженность, изолированность и т. д.) по отношению к другим местам и их системам в каждый момент времени неизбежно формируют специфический местный *общественно-географический контекст* — совокупность прочих мест, связанных с сущностью исследуемого места.¹ Если же определенный контекст закрепляется на значимое время для формирующей данное место сущности, то такой контекст превращается в *среду*. То есть время мы считаем критическим фактором, отличающим контекст от среды. Так, например, для точки по торговле пирожками случайная остановка туристического автобуса рядом с ней формирует определенный общественно-географический контекст, изменяющий суть общественного явления, — торговли пирожками, которая резко активизируется за счет туристов. Этот контекст исчезает после отъезда автобуса. Однако если туристическая компания, увидев, что туристам понравились пирожки больше, чем экскурсия, решает сделать остановку у этой точки постоянным элементом маршрута, то устойчиво повторяющиеся во времени остановки туристических автобусов около данной торговой точки формируют среду. Такая среда в отличие от контекста начинает привлекать другие торговые точки, которые тоже начинают предлагать товар туристам. Эти новые точки становятся новыми общественно-географическими местами, изменив сущность торговли первой точки, и сами для нее становятся элементами среды. Сходные процессы происходят во всех сферах и масштабах общественной жизни. При функционировании любого общества интересы «местной» социальной среды являются самостоятельным значимым фактором развития общества.² Таким образом, если контекст однократно способен повлиять на изменение параметров сущности, формирующей какое-либо место, то повторяющееся/продолжающееся во времени проявление такого контекста формирует среду.

«Элементарной частицей» общественного времени выступает *событие*, определяемое как первичное изменение сущности общественного феномена (явления).³ Если данное событие изменяет сущность не всего общественного явления, а только в конкретном месте, то логично называть это изменение

¹ По сути, совокупность контекстов всех объектов со схожей сущностью и формирует мгновенный срез «служебного» географического пространства — здесь мы полностью солидарны с «позиционным» принципом формирования географического пространства Б. Б. Родомана, согласно которому географу стоит изучать совокупность только тех пространственных аспектов отношений объекта к другим объектам, которые являются существенными для рассматриваемого объекта [10].

² Л. В. Смирнягин обращает особое внимание на понятие расстояния, которое делает места более или менее доступными между собой для установления связей (контекстных, средовых или системных. — К. А.). Изменяя режим «достижимости», по сути, можно менять пространственную протяженность, масштаб формируемых местами контекстов (в терминах Смирнягина — местоположений) [11].

³ Традиционно отечественные философы отличают понятие феномен от понятия явление. Соглашаясь с той точкой зрения, что феномен представляет собой единство явления и сущности, для методологического упрощения мы будем употреблять далее термин явление как для феномена, так и собственно для явления — формы выражения (обнаружения) сущности предмета, без которой индикация феномена невозможна.

место-событием. Мы уже видели, что как пространственные, так и временные общественные параметры критически влияют на возможность существования разнообразных экономических сущностей в связанной с ними физической точке. Не только возникновение или исчезновение какой-либо сущности является событием (место-событием), но и ее развитие. Так место-событием для общественного явления «торговля пирожками» в описанном примере выступило не только появление первой торговой точки в каком-то месте физического пространства, превратившее его в «служебное», «торговое» пространство. Приезд первого автобуса не уничтожил «торговую» функцию данного места «служебного» пространства, но сильно изменил ее характеристики — все пирожки были раскуплены, чего ранее никогда не происходило, оборот скачкообразно вырос. Кроме того, маркетинговая ценность данной точки также изменилась — пирожки понравились. Таким образом, торговля в данной точке осталась, однако ее сущность немного изменилась. Следующим место-событием, помимо последующих приездов автобусов, стало появление рядом еще одной торговой точки — сущность явления «торговля» изменилась гораздо сильнее — появилась конкуренция. Последними событиями для явления «торговля пирожками» в том месте пространства, которое занимала первая торговая точка, станут ее снос в результате проигранной конкуренции соседним хот-догам и строительство на ее месте кафе или иного объекта другой отрасли. Весь процесс перерождения сущности (трансформации) места состоял из *чередования событий*. Изменение в чередовании событий, равно как и в контексте, может привести к изменению результирующих пространственно-временных параметров места.

Возникает вопрос: если мы указываем, что место всегда связано с конкретным временем его существования (или фиксации — для исследователя), то почему его сразу не определять как место-событие? Мы видим необходимость такого различия минимум по двум причинам. Во-первых, место может существовать не только в привязке к отдельному временному «кванту» — событию, но и к более продолжительному интервалу времени — периоду, в течение которого принципиально не изменяются характеристики составляющей данное место общественно-географической сущности. Во-вторых, такая необходимость часто содержится в познавательных задачах и связанных с ними методологических (возможно, даже гносеологических) подходах. Точно так же, как в географии принято «отсекать лишнее измерение» для упрощения познавательных процедур, обращаясь к термину «территория» вместо «пространство», также и в данном случае полезно бывает пренебрегать временным параметром для вычленения именно хронологических закономерностей, на которые не наложены законы хронологических процессов. Так, часто не имеет смысла для целей исследования акцентировать внимание на времени существования зафиксированного (наблюденного) состояния исследуемой сущности в определенной точке пространства, но имеет значение пространственная распространенность данного состояния. Пространственные параметры распространенности единого состояния сущности и описывают место.

Точно так же, как и для места — шкала расстояния, для события — шкала времени определяется наложением первичного изменения сущности на физические пространство и время.¹ Это позволяет определять *соразмерность про-*

¹ Б. Б. Родоман предлагает в таких случаях оперировать понятиями *геовечность*, *гео-год*, *геонеделя*, *геосутки* [9].

**Пространственно-временные характеристики
сущности общественно-географического явления**

	Первичное проявление (первичный элемент) сущности	Взаимодействие первичных элементов
Общественно-географическое пространство	Место	Контекст места
Общественно-географическое время	Событие	Чередование событий
Общественно-географическое пространство-время	Место-событие	Среда

пространственно-временных характеристик разных сущностей. Полимасштабность сущностей порождает и полимасштабность мест и событий как первичных проявлений этих сущностей. Появление стационарного сооружения сетевого ресторана быстрого питания на месте первой точки торговли пирожками изменило не только показатели экономической эффективности в данном месте пространства. Цикл жизни сетевого ресторана в благоприятной среде потенциально гораздо длиннее, чем точки торговли пирожками, пространственные параметры проявления его сущности гораздо шире. Следовательно, шкалы для фиксации этих параметров должны измеряться разными масштабами физического пространства и времени.

Обобщенно система описанных выше категорий представлена в таблице.

Таким образом, подытоживая, можем заключить, что *базовым (первичным) понятием для анализа трансформации общественно-географического пространства выступает понятие места (место-события)*. Важными для нас свойствами места (место-события) являются следующие:

— место имеет сущностное происхождение и не отлично от своей общественной сущности;

— место всегда имеет пространственный контекст, но не всегда — среду;

— временное чередование событий влияет на изменение сущности места, в результате чего место возникает, развивается и исчезает (перерождается).

Поскольку одним из центральных для нашего предмета является понятие трансформации пространства, то полезно понимать, что происходит с местом при его трансформации. Как мы уже указывали, трансформацией мы считаем только процесс, сопровождающийся заменой одной сущности трансформирующегося общественного явления другой. Таким образом, в случае трансформации места это будет означать обязательную замену породившей его сущности и перерождение самого места. При этом возможно изменение и пространственных параметров проявления новой сущности в данном элементе физического пространства.¹ Так, в приводившемся выше примере выросший в процессе трансформации места сетевой ресторан в точке, занимавшейся некогда продажей пирожков, по всем пространственным параметрам больше последней. Однако это скорее перерождение (трансформация) старого места с изменением сущности, чем просто возникновение на пустом месте рестора-

¹ Тот же Б. Б. Родман описывает механизм, названный им «давлением места», при котором под воздействием неблагоприятных местных факторов одни объекты способны изменить свое местоположение, иные, менее мобильные, меняют свои свойства и функции (сущность, добавим мы). Самые неадаптивные же объекты исчезают [10].

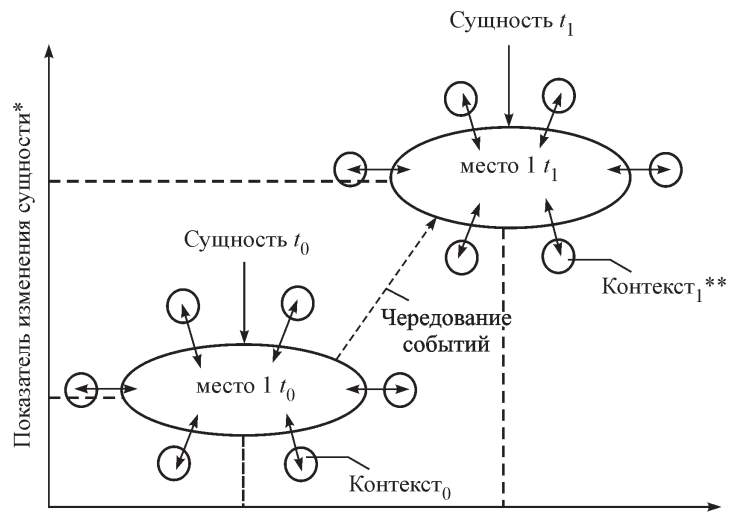

Рис. 1. Процесс трансформации места.

Пояснения — в тексте. * — экономическая эффективность, общественная значимость, политический результат и т. п.; ** — система или совокупность мест, потенциально связанных с происхождением места 1.

на, поскольку появление последнего именно в данной точке было связано с тем, что торговля пирожками повысила его маркетинговую привлекательность в сегменте покупки быстрой еды настолько, что здесь смог появиться целый ресторан.¹

Как мы упоминали, место может не только переродиться, но и исчезнуть. Исчезнуть оно может минимум по трем причинам. Во-первых, может исчезнуть не определенная сущность, а все явление целиком — если общество вдруг откажется от потребления пирожков, то исчезнет и торговля ими. Во-вторых, составившая данное место сущность может изменить свое положение в пространстве — торговая точка может переехать, и это будет принципиально иное место. В-третьих, контекст данного места может измениться настолько, что проявление данной сущности станет незаметным на его фоне, сольется с контекстом, став частью другого, более общего места. Так, например, вокруг нашей точки с пирожками может вырасти целый рынок (временный или постоянный) и, несмотря на то что точка даже не изменит своего положения в пространстве, контекст из совокупности прочих мест торговли пирожками и прочими товарами сделает нашу точку неразличимой — покупатель поедет «на рынок», а не «к торговцу».

Графическое изображение процесса трансформации места представлено на рис. 1.

Пространство (добавим — и время) выступает неотъемлемым атрибутом деятельности общества. Неотъемлемость пространственно-временного атрибута двояка. Во-первых, как мы покажем далее, материальная деятельность

¹ Подобные трансформации детально исследованы и описаны в [1]. Так, в городской среде 1990—2000-х гг. происходило последовательное возникновение в конкретных, тех же самых, точках пространства агломераций торговцев с рук, затем — киосков, позже — павильонов и, в итоге, крупных многофункциональных комплексов.

общества всегда пространственна и не существует вне пространства.¹ Неотъемлемость пространственно-временной атрибутики от деятельности общества позволяет нам оперировать категориями «служебных» пространства и времени. Из всего многообразия явлений, как пространственных и временных объектов и событий, мы выбираем только те, которые имеют общественное происхождение, и называем их *общественно-географическими пространством и временем*. Элементами общественно-географического пространства и времени выступают также все общественные явления, зародившиеся и развивающиеся на основе необщественных пространственных процессов. Практика показывает, что даже для специалистов существует трудность перехода от обыденного восприятия пространства и особенно времени с их физическим наполнением к пространству-времени, сложенному не физическими телами и явлениями. Поэтому остановимся подробнее на определении общественно-географического пространства-времени.

Довольно распространено в отечественных философских публикациях представление о том, что атрибуты социальной формы движения являются лишь определенным фрагментом закономерностей физического времени и пространства. Например, среди политикогеографов существует подход, при котором политическое (политико-географическое) пространство выделяется на основе наложения политических (политико-географических) процессов на параметры физического пространства: «политико-географическое пространство идентично территории, на которой в пределах определенной общественной формы и посредством нее складываются и действуют разнообразные политико-географические процессы, тенденции, закономерности, обстоятельства и факторы» [14]; «политическое пространство (территория) — площадь, на которой происходит политическая деятельность» [17].

В данном случае, на наш взгляд, необходимо различать понятия «среда» и «пространство». Так, если первое может включать компоненты различных сфер и «отраслевых» пространств, влияющие на развитие интересующих нас процессов и явлений, то пространство определяется единством и определенностью составляющих его самих рассматриваемых нами явлений. Г. Гегель писал: «Мы не можем обнаружить никакого пространства, которое было бы самостоятельным пространством; оно есть всегда наполненное пространство и нигде оно не отлично от своего наполнения» [6].

Таким образом, можно сказать, что компоненты физического пространства-времени входят элементами скорее в среду деятельности общества, являясь по отношению к общественно-географическому пространству одной из функций. Физическое пространство проявляется по отношению к последнему опосредованно — в степени влияния на осуществление общественно-географических процессов либо лишь в отдельных его характеристиках (например, соседства, чередования и т. п. — для пространства; последовательности, сосуществования и т. п. — для времени). Само же по себе физическое пространство и его измерения могут описывать лишь физические характеристики общественных объектов (взятых как физические тела): например,

¹ Согласно радикальному материалистическому подходу, не только материальная, но и нематериальная деятельность общества (информационная, духовная, мыслительная и т. п.) пространственна, поскольку обязательно связана с материальными (локализуемыми в пространстве) носителями (органическими и неорганическими). Наша позиция менее радикальна, но материалистична.

размеры государственной территории, протяженность и конфигурация границ и др.

Существует также точка зрения, согласно которой пространство отлично от материи и представляет собой, скорее, набор отношений между явлениями. Сторонники этой точки зрения считают, что материальные явления существуют в пространстве и времени. Так, со ссылкой на И. Канта, Дж. Урри полагает, что пространство возникает только между не менее чем двумя объектами. Именно в таком понимании он настаивает, что пространство — это набор отношений, а не материя [19]. На основании этого автор делает вывод, что общество и пространство не могут «взаимодействовать», поскольку общество, помимо прочего, есть материя, а пространство — нет [19]. Такой подход близок к ньютоновскому определению пространства, в котором оно представляет собой нечто большее, чем наполняющие его предметы. К ним добавляется расстояние как самостоятельный участник взаимодействия, отличный от самих материальных предметов. Нам же ближе лейбницевский подход, при котором любой единичный материальный объект пространственен, вне зависимости от наличия иного объекта. Пространство возникает не между объектами, а уже в атрибутах самого объекта, которые возможно сравнивать в пространственных категориях между собой. При этом если и рассматривать сравнение разных измерений отдельного объекта как отношение, то это будет отношение атрибутов материи внутри ее элемента, а не между элементами материи. Взаиморасположенность двух материальных объектов, которую сторонники описанной точки зрения считают первичным признаком пространства, таковым, стало быть, не является, уступая «первичность» пространственным атрибутам, проявляемым измерением каждого отдельного материального объекта.¹

Вслед за многими исследователями (например, [15, 18]) мы заключаем, что общественно-географическое пространство — это не пространство физических тел, в котором осуществляется общественная деятельность, а сама эта деятельность, взятая с атрибутивной точки зрения. *Общественно-географическое пространство — это форма бытия общественно-географических объектов, отражающая отношения их сосуществования: соразмерности (в мерах протяженности, объема, глубины) и взаиморасположенности.*²

В таком понимании пространство становится тем, чем оно и является на самом деле. Пространство является не только причиной дифференциации форм зарождения и развития общественных процессов. Оно всегда было и останется впредь средством, целью и результатом деятельности общества.

Если первая описанная выше сторона неотъемлемости пространственного атрибута деятельности общества универсальна и не отличает место-событие от прочих элементов общественно-географического пространства (времени), то вторая специфична только для пространственно-временных систем. *Под пространственно-временными системами мы понимаем системы, в которых одновременно и пространственные, и временные свойства их элементов*

¹ География пока не занимается объектами, размеры которых настолько малы, что не позволяют измерить пространственные атрибуты таких объектов и сравнить их между собой.

² С таким подходом сочетается даже предлагаемое Н. Замятиной понятие географического ментального пространства, точно так же представляющего собой одно из «служебных» общественно-географических пространств [7].

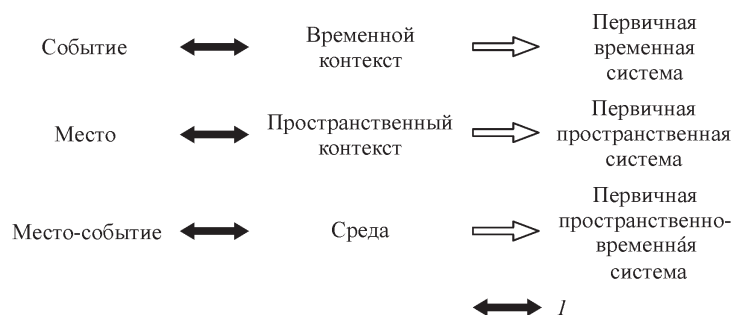

Рис. 2. Категория пространственно-временных систем.

I — системная взаимосвязь.

способны менять сущность образующих систему явлений или процессов. В связи с этим без анализа пространственных и временных характеристик такие системы не познаваемы, а иногда и неразличимы.¹ Отличием пространственно-временных систем от место-события, контекста или среды выступает то, что последние системами не являются, т. е. в них отсутствуют взаимосвязи, без которых существование составляющих их элементов в данной их сущности было бы невозможным. *Необходимым условием появления пространственно-временной системы в общем виде выступает совпадение системных взаимосвязей во времени и пространстве.*

Приведем пример из области политики, где политическое явление возникает только тогда, когда противоречие интересов перерастает в конфликт (подробнее см. [3]). Конфликт между носителями капиталистической и коммунистической идеологии в XX в. мог остаться на уровне противоречия, если рассматривать интересы, скажем, предпринимателя в США и секретаря парткома в СССР. Пространственный размах их интересов практически не перекрывался, т. е. позволял реализовать свои интересы независимо друг от друга. Конфликт оставался потенциальным. Однако если в качестве субъектов того же противоречия выступали правительства СССР и США, то для политических явлений такой величины пространственные сферы реализации их интересов начинали перекрываться и противоречие перерастало в конфликт — системную взаимосвязь. Наглядным проявлением этого конфликта была «холодная война», представлявшая собой глобальную пространственно-временную систему.

Аналогично тому, как мы подошли к рассмотрению категорий пространства и времени через их первичные элементы, можно определить и категорию пространственно-временных систем (рис. 2).

Так, первичная временная система возникает только из сочетания события и контекста во времени; пространственная — из сочетания места и контекста в пространстве; пространственно-временная — из сочетания место-события и среды во времени и пространстве. Без описанных условий возникновение первичных систем невозможно, следовательно, данные условия выступают необходимыми условиями появления систем. Однако очевидно,

¹ Пример исследования такой системы представлен в [4]. Там сравниваются пространства личной деятельности разных социальных групп. Различия в этих пространствах можно наблюдать только во времени, они не выявляемы в статичный момент наблюдения.

что не все сочетания событий, мест и место-событий с контекстом и средой порождают системы. Уже упомянутое первым условие наличия системных взаимосвязей дополняет картину необходимых условий возникновения первичных пространственно-временных систем. Очевидно, что первичные системы могут формировать иерархии и сочетания.

Предложенный выше подход позволяет изучать сложные поликомпонентные процессы и явления, происходящие в общественно-географическом пространстве, особенно в периоды трансформаций.¹ Думается, что возможности данного подхода выходят за пределы только лишь общественной географии, однако оставим это предметом отдельного рассмотрения.

Список литературы

- [1] Аксенов К., Брадэ И., Бондарчук Е. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград—Санкт-Петербург. 1989—2002. СПб.: Геликон Плюс, 2006. 284 с.
- [2] Аксенов К. Э. Понятие места в политической географии и особенности пространственной организации власти в США // Изв. ВГО. 1990. Т. 122, вып. 1. С. 99—105.
- [3] Аксенов К. Э. Пространство и политика. Концептуальные подходы к изучению особой предметной области // Региональная политика. 1993. № 5. С. 62—81.
- [4] Аксенов К. Э. Социальная сегрегация пространств личной деятельности в пост-трансформационном метрополисе (на примере Санкт-Петербурга) // Изв. РГО. 2009. Т. 141, вып. 1. С. 9—20.
- [5] Аксенов К. Э. Трансформация общественно-географического пространства метрополиса: Санкт-Петербург и Москва, 1989—2011. Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 2012. 483 с.
- [6] Гегель Г. Философия природы // Энциклопедия философских наук. Т. 2. М., 1975. С. 47.
- [7] Замятина Н. Смысл и положение в ментально-географических пространствах // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза. Сост. П. М. Полян, А. И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. С. 457—476.
- [8] Минц А. А., Преображенский В. С. Функция места и ее изменение // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1970. № 6. С. 118—131.
- [9] Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 154.
- [10] Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999.
- [11] Смирнягин Л. В. Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза. Сост. П. М. Полян, А. И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. С. 424.
- [12] Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. С. 17.
- [13] Шарыгин М. Д., Чутина Л. Б. Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ним // Географический вестник. 2013. № 2. С. 4—8.

¹ Пример исследования на основе предложенного подхода такого сложного объекта, как общественная трансформация в России 1990—2000-х гг., представлен в [5].

- [14] Ягья В. С. Пространство в политической географии (постановка проблемы) // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л.: ГО СССР, 1974.
- [15] Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London and Berkeley, 1979. 294 p.
- [16] Lucas J. R. A Treatise on Time and Space. London: Methuen & Co, 1973. P. 10—11.
- [17] Sack R. D. Territorial Basis of Power // Political Studies from Spatial Perspectives / Ed. A. D. Burnett, P. J. Taylor. Chichester, 1981. P. 6.
- [18] Soja E. The Spatiality of Social Life // Gregory D., Urry J. (eds). Social Relations and Spatial Structures. London: Macmillan, 1985. P. 90—128.
- [19] Urry J. Social Relations, Space and Time // Gregory D., Urry J. (eds). Social Relations and Spatial Structures. London: Macmillan, 1985. P. 20—49.

Санкт-Петербург
axenov@peterlink.ru
Институт наук о Земле

Поступило в редакцию
5 ноября 2013 г.